

Олег Хлебников

Недосказанное

Олег Хлебников

Недосказанное

Книга новых стихов

Москва

«Воймега»

2019

УДК 821.161.1-1 Хлебников
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Х55

О. Хлебников

Х55 Недосказанное. Книга новых стихов / Олег Хлебников. —
М.: Воймега, 2019. — 100 с.

ISBN 978-5-6042671-7-2

ISBN 978-5-6042671-7-2

© О. Хлебников, текст; 2019
© «Воймега»; 2019

Решил я побыть
на Земле

* * *

Я хотел бы родиться в Смоленске и Ленинграде,
в Ярославле, Орле, Иркутске – чтоб быть земляком
ростовчанам, воронежцам – Родине, Господа ради!
Чтобы знала меня, вспоминала за то, что знаком.

Я уже не готов достучаться своими словами
до чужих и угрюмых, не верящих ничему.
А вот если б считались мы все земляками,
с одного свята места всем миром роптали Ему!..

* * *

Дикорастущая луна,
а тело — на ущерб...
Но люди благостны. Страна
чудна. Создатель щедр.

Да звёзд всё меньше над землёй
при вот такой луне,
и те присыпаны золой
и не мигают мне.

О чём Создателя просить?
Чего желаю сам? —
когда уже по горло сыт
текущим по усам.

* * *

В раме оконной Полярная звезда,
и больше ни одной звезды не видно.
И так одинока она и горда
своим одиночеством — даже завидно.

Я вот одиночеством своим не горд,
хотя к нему стремился с большим упорством.
Пушкинский завет уже который год
блюду и упиваюсь своим геройством.

Вдруг звезда Полярная подмигнула мне,
и тут увидел я — на миг, но ясно —
россыпь звёзд с ней рядышком в моём окне.
Хоть большинство из них давно погасло.

Пришелец

А. Аронову

Решил я побыть на Земле —
получилось неплохо.
А что тут полсвета во мгле,
что на сломе эпоха,
так это, считай, повезло,
да и с кем не бывает.
Творец — не вселенское зло —
сыновей убивает.
Но я-то явился среди
голубого июля
в такой безопасной среде,
где ни бомбы, ни пули.
Хотя громыхало вдали,
но меня не задело,
и жили в объятьях Земли
и сознание, и тело.
Россия досталась — страна
на границе с Хабсом.
Но были зима и весна,
даже лето и осень.
Они отвлекали меня
от сигналов из Центра.
Мне нравилась эта Земля
непроявленным чем-то.
Здесь можно б устроить всё так,
чтобы всем и поболее.
Но мне не хватило — пустяк! —
подготовки и воли.

* * *

Становятся всё важней простые отношенья —
с продавщицами, барменами, попутчиками в электричке.
Вот улыбнутся — и славно, как будто мне вышло прощенье
за вину перед близкими, умножаемую по привычке.

Становится всё важней телевизор к ночи
(и неважно, на что глазеть, не умолк бы только),
колыбельные мне поёт, усыпляет очень
ненадолго.

* * *

Чем времени жизни становится меньше,
тем в сутках часов всё больше.
И это всё больше касается женщин —
они и живут подольше.

А нас, мужиков, касается краем
страны, к сыновьям нерадушной.
И в нужность и в важность мы только играем,
чтоб ночью бодаться с подушкой.

* * *

Но человека человек...

Пушкин. Анчар

И человек у человека
крадёт последние свободы:
где сам захочешь, прыгнуть в реку,
не в нищете закончить годы.

В уютном месте выпить кофе
под сигаретку и газетку
и не просить о катастрофе
за то, что поместили в клетку.

Махнуть со старым другом чачи
в Тбилиси, в Киеве — горилки.
Хоть искуситель — не иначе —
всё подливает из бутылки.

Но дал нам Бог свободу воли.
И право только Он имеет
отнять её. И этой роли
никто другой играть не смеет!

И я пойду на все четыре —
на все четыре края света!
А окажусь в чужой квартире,
где ни тепла, ни света нету.

* * *

Ну видно же, что туча или дым
жилища наши мраком накрывает.
А мы как заводные спим-едим
и ждём, куда нас вывезет кривая.

Туда бы – где безоблачный простор,
морозец, поцелуи на морозе...
Хотя кривая с некоторых пор
уж никуда в России не вывозит.

* * *

Только когда начинается война,
узнаёшь про некоторые города
и населённые пункты.
Всё меньше населённые. Но страна
запоминает их навсегда
или — хотя бы на секунды.

Декабрьский монолог пешехода

Все козлы, кто ездит быстро,
обдавая грязной кашкой
пешехода, что на выстрел
не отважился пока что.

Но отважится, поверьте, —
надоело, что унижен.
И тогда у вас до смерти
расстоянье с эту жижу!

А по времени примерно
этак месяца четыре...
Только в мае я, наверно,
буду жить в труде и в мире.

Расцветут сирень и вишни
в садике у дяди Вани.
И покажется не лишней
сотня лишняя в кармане.

С ветерком — хоть на бомбиле —
долечу тогда до дяди!..
Мы однажды жили-были,
друг на друга косо глядя.

Московские бичи

Бичи на свежем воздухе живут –
так почему недолго так?
Наверно, нецелебный воздух тут.
А море-то, а Волга-то?

Прорваться к ним, и будет всё тип-топ,
и грудь опять раздышится.
А дальше – хоть всемирный хоть потоп,
всё на него и спишется.

И я такой же – в чём-то божий – бич
с пропискою столичною.
И надо мной давно навис кирпич –
тупой, красно-коричневый.

Православные прихожанки

В неизменной благости
ходят, как хоронят
бренной плоти радости —
ведь никто ж не тронет.

Это одиночество
только Бог разделит,
луковичным зодчеством
грусть-тоску развеет.

Даст просвирку, ладана
и чуток кагора.
А ещё бы надобно,
чтоб прибрал нескоро.

* * *

Мудрости нет в стариках и старухах –
только б самими собой
дожить. До чего? До лебяжьего пуха
над голову больно́й.

А мудрецов это всё не колышет:
кайф – в ноосфере, в Сети...
И жалко, полковнику никто не пишет
после семидесяти.

Новая уличная мода

На куртках появились хвостики,
на шапочках — кошачьи ушки.
Звереют постепенно всё ж таки
девицы наши и девчушки.

И как не озвереть при нашем-то
движенье вспять — к кленистоногим?
А что веками было нажито,
достанется совсем немногим.

* * *

Можно ли числить родными
улицы вроде Каширского шоссе?
Сливаться в экстазе с ними –
мол, детство прошло тут и глупости все...

Можно ли столик припомнить,
где наши отцы забивали козла?
И сам тут не буду понят
в майке и тапках с утра допоздна.

Наверное, всё-таки можно,
когда другой-то родины нет,
но сложно и как-то тревожно,
и хочется водочки на обед.

* * *

Памяти Ю. Карякина

Что бы мне посоветовать людям?
Где последний найти аргумент?
Только это: «Давайте не будем!» —
как любой убеждает мент.

И уж это-то каждый услышит,
к исполнению назначено всем:
кто стихов, кто хитов не пишет,
кто не дышит уже совсем.

Почему так законопослушны?
Ну — в России же, где наплевать
на законы, права, прослушки...
Ты сдурела, Родина-мать?

* * *

Хорошо быть русским человеком,
если не нацист, а демократ.
Ты с любым таджиком и узбеком
можешь говорить как старший брат.

Молдаванина пригреть сумеешь,
чтоб тебе сварганил стол и дом.
Но доньше непонятно мне лишь,
почему живём с таким трудом.

И труда вокруг почти что нету —
только ля-ля-ля да тра-та-та...
Нам Господь в аренду дал планету —
милую, а мы-то гопота.

Не умеем малым обходиться:
солнышком — и то ведь хорошо.
И доступны воздух и водица,
и девица, и ещё, ещё
что-то в небе чудное клубится.

* * *

А. Битову

Как же досадно — подолгу не жил в Ленинграде,
и в Петербурге тем более (хорошо, в Петрограде не жил).
И ходил от вокзала Московского лишь ностальгии ради —
как турист — до Исаакия (рядом камешек свой заложил).

Ну и дальше — к Сенной, где крестьянку того молодую,
где опять Достоевский над городом тенью встаёт.
Но поблизости Пушкин — на Мойку, на Мойку пойду я!
А вблизи — на Фонтанке — уже декабристы. И вот —

подлетают они на Сенатскую. Это могло быть
для России и шансом, и чем-то не ведомым нам.
Только лошадь тогда не сумела рвануть из оглобель,
и потом победил мной на Лиговке встреченный хам.

Всё равно я люблю эти плоские парки и скверы.
Здесь я должен был жить, и любить, и — уже никогда.
И от этой такой ни на чём не основанной веры
сладко-больно в душе. И при чём тут они, города?

* * *

Какие же мы смешные! —
стоит взглянуть поподробней:
карикатуры сплошные
на образ Его и подобье.

Походки, гримаски, рыльца,
бомбы, футболы, сканворды...
Есть ли хоть чем-то гордиться
приматам, зовущимся гордо?

* * *

Недоваренные пельмени
копошатся в своём физрастворе...
Так Он смотрит на нас?

Тем не менее
что-то сварится, сварится вскоре.

Может, сварится то, что и вытошнится,
но один-то пельмешек вытащится! –
аппетитный на сотни лет –
вроде Пушкина или Данте...
Только дайте Ему, только дайте
собеседника на обед.

* * *

Чем говорят они чаще —
частят и частят, — тем реже
в их пустоте кричащей
свежее что-то брезжит.

Как на рыбалке — утро
или закат на Азове.
Silentium! Если трудно
довоплотиться в слове.

* * *

Циклотимик ты. Шизо-? — тоже.
И ещё не закончен цикл.
И крутись, акробат без лонжи!
Вот такой получился цирк.

В этом цирке всё было честно —
не французская там борьба,
ни какого такого чёса —
только купол, земля, судьба.

А над куполом было небо,
хоть нечасто его видал —
только в щёлочку, щурясь слепо...
А кому Господь больше дал?

Исповедь очкарика

Е. Чигрину

Без очков не могу разглядеть прелести мира,
а очки на переносицу давят, отвлекают.
Ну, допустим, чудесна Северная Пальмира,
а вот — не втыкает.

Ну, допустим, прелестны ещё молодые формы,
но не вижу (уже без очков) — ну совсем! — содержания.
И когда отмечаюсь, что есмь, — то видать, для проформы
и — для поддержанья...

Поддержанья очков на носу — значит, нос-то на месте,
типа можно и чуют, и видеть, и славить Бога.
Даже можешь служить распространителем благой вести,
что терпеть немного.

Что сначала — все как один, но, глядишь, — воскресли,
только кто это углядит, до сих пор неясно.
Если буду я без очков, не увижу, хоть тресни,
как же всё прекрасно.

Два пририфмованных хокку

Хочу ли я, чтобы те, кто на берегу,
восхищались тем, как я плыву,
или в своё удовольствие плыть хочу?

Слова удовольствия – это «ага» и «угу»:
не потревожить звуком эту и ту синеву,
слиться с ними и думать, что сам лечу.

Морская фигура

1

Из себя я крест воздвиг
на семи-восьми морях
и на краткий миг возник
сразу в нескольких мирах.

Мир земли и мир воды,
небосклона ли —
и везде мои следы:
крестики, ноли.

А когда ночами вплавь
звёзды силюсь разглядеть,
понимаю: славь не славь —
выше брызг слабó взлететь.

2

Недоплавал раза три —
море волнуется — раз!
Недовыдавил внутри
собственный маразм.

Не нашёл ещё слова —
море волнуется — два! —
чтобы приняли на раз
сердце и голова.

Что ж, из памяти сотри –
море волнуется – три! –
все юни-сентябри?..
Морская фигура, замри!

Адлер-2016

1

Всё, что надо человеку,
мне ссудили здесь:
даже на углу аптеку,
ночь и сервис весь:
и фонарь, и телевизор,
улицу в окне...
Но в аптеке той провизор
вдруг пристал ко мне.
Мол, я выгляжу неважно –
«Брось курить, отец!»
Я сказал ему отважно:
«И тебе трындец».

2

Я встретил здесь людей страны –
они мне не понравились,
в особенности пацаны –
уж очень вширь расправились
за несколько последних лет,
что празднуют победу,
хоть их заслуги в ней и нет,
зато – «Спасибо деду!»
А дед – он, может, вохрой был,
иль падлой особистом,
иль из заградотряда бил
по мальчикам небыстрым.

Хоть, может, был и молодцом,
героем беззаветным...
Но, внук, ты не в него лицом,
смурным и неприветным.

* * *

Облака оставляют на море пятна,
и на земле, и на речке.
А такие белые, так опрятно
их стадо овечьё!

Это я с моря на самолёте
возвращаюсь в свои пенаты.
Вы меня ждёте?.. Вы меня ждёте —
две собаки и ползарплаты.

* * *

Я нужен «Хоум-Кредиту»
и больше ещё – Альфа-банку.
Только они в выходные
звонят и звонят спозаранку.

Хотят убедиться, что жив я
и обязательствам верен.
Им за вниманье спасибо,
хоть я в том и в том не уверен.

* * *

Вот сидит на скамье по соседству
мужичок — и он мне по сердцу.
Хоть, возможно, меня убьёт,
если выпью с ним — и вперёд!

Но пока сижу, сочиняю
этот вот стишок и не знаю,
что убьёт меня он, лиходедей...
В жизни много странных людей.

* * *

И живёт человек, униженный
бывшей пассией, нищей пенсией,
вспоминает: а ведь могли же мы,
ведь стояли тогда под Преснею.

И казалось: ещё усилие —
и всё сложится, устаканится.
Призывала нас не Россия ли
миром всем за неё покаяться.

И своё отстаять достоинство,
и уже не спускать унижения...
Победители! Что нам досталось-то?
Лишь в правах на жизнь поражение.

Классические вариации

1

*У вечности, да-да, ворует всякий,
а я в песчаном времени зачах.
И вслед мне смотрят суки и собаки
с печальным пониманием в очах.*

2

*Выхожу один я, а дороги
нет как нет — сплошное месиво.
Жалко прошлого. И замирают ноги.
Впереди не вижу ничего.*

3

*...Что за дикое слово!
В. Ходасевич*

*И передо мною держит рама
зеркало — сознание бытия.
Не таким меня любила мама.
Мама! Это ж просто ай-яй-я...**

* См. эпиграф.

* * *

Атака таких стихов:
как жизнь, коротких,
рифмованных пустяков
бесповоротных.

Уж если сказал — сказал,
всё так и будет:
похмелье, озноб, вокзал,
и мент разбудит.

А может, вот это: дом
с людьми чужими.
И значит, с тобою в нём
мы точно жили.

Хоть в том не уверен я,
но две-три строчки
не врут и зовут меня
дойти до кочки.

А там ничего за ней,
но это нечто
недожитого больней
и — бесконечно.

* * *

Соседям

Завидую жизни чужой,
вот этим завидую, им —
на то, что друг к другу с душой
и телом, ещё молодым.

Обидно, что жизнь и судьба
столкнулись совсем невпопад.
И тут пожалеть бы себя,
да знаю, что сам виноват.

* * *

Только едва прикоснулся
к женщине доброй, к стране
тёплой – и тут же проснулся:
мне это не...
не предназначено или
не по зубам,
точно меня зарядили
только на «там».
Здесь же – ну, не получилось.
Лишь на попытку одну
есть ещё времени милость –
может, взбрыкну?

* * *

Всё вокруг зазеленело.
Только разве в этом дело?
Мы-то поседели здесь,
каждую весну встречая
радостно, всем сердцем чая
всё-таки благую весть.

Нам её предоставляли
те, пузатые, — едва ли
не грешнейшие из всех.
И кадили, и блудили —
трали-вали-дили-дили —
но злословье тоже грех.

Будет каждому по Вере,
и по Вале, и по Варе,
только юность не вернёшь.
Будучи самолюбивым,
ну, по крайней мере, быв им... —
что мне эта молодёжь?

В них играют, как гармони,
только, только-то гормоны,
а другого не найдёшь.

* * *

Марьявановна дочку ведёт...

По грани по самой
идут дочка с мамой.
Одна — уже, другая — ещё,
но обе *не*,
да и хорошо.
Пускай полноваты,
но всё хорошо вполне.
Только вёрсты полосаты
Попадаютя одне.

* * *

Хоть в шалмане хавка с кровью
да с похмелья грусть-тоска...
Непонятно Подмосковье —
ни Россия, ни Москва.

Не живут, а выживают
здесь, и все — в Москву, в Москву!
Три сестры здесь вышивают
в электричке, где живу.

Я живу в ней очень много
очень разных зим и лет.
На меня глядят нестрога
тётки, дядьки, даже дед.

Типа им понятный парень:
курит в тамбуре и пьёт
пиво с воблой и не парит
мóзги — сам себе живёт...

Проезжаю Подмосковье
с грустью, с радостью, с любовью.
А в Москве — там что-то ждёт...

Не быть
не миновать

* * *

Жалко, что не буду на Земле —
и на море, озере и речке,
даже — в мартовской промозглой мгле
и на деревенской душной печке.

Я уже на свете жить привык,
и не надо мне иного света —
хватит этого. Я не проник
в его тайны, не постиг сюжета.

Даже если старым стариком —
полуслеп, рассеян, безобразен —
буду доживать свой век тайком,
с миром расставаться не обязан.

Что-то всё же видеть я смогу,
слышать, чувствовать и помнить много.
А потом — уж ладно, на бегу,
с палочкой, за бородою Бога.

* * *

Я не умею не любить людей
и не могу подолгу обижаться
на тех, кого обидел я, злодей...
Простите братца!

Я вам не враг, и вы мне не враги.
Пускай не нравлюсь вам, но и себе же
не нравлюсь тоже. Делаю шаги
всё ближе к бездне — свет оттуда брезжит.

Уже, похоже, перешёл черту,
после которой, нет, не возвратиться.
А наблюдая вашу простоту,
жалею всё — и задницы, и лица.

Их все вот-вот отнимет пустота.
И вряд ли чем-то нас одарит небо.
Ведь если мы не помним ни черта
о жизнях прежних — значит, их и не было.

* * *

...и провожаем близких
в сырую землю-мать,
и все мы в этих списках —
не быть не миновать.

У каждого надежда,
что с ним-то обойдётся,
что, как Христос, однажды
и сам сюда вернётся.

Ведь это ж невозможно
не быть, когда бывал!
Но так неосторожно
хрусталик, всем положенный,
раз десять разбивал.

* * *

Временность жизни должна
уравновешиваться временностью смерти.
Иначе – какого рожна?
Иначе – верьте не верьте
хоть в Иисуса, хоть в Магомета –
иначе зачем все это?

* * *

Памяти Нугзара Микеладзе

Вот он заходит ко мне,
хмурясь неторопливо.
Спрашивает, что ж не
живётся счастливо.

Мямлю в ответ, а он
смотрит с сарказмом.
Думает: «Вот ведь гондон,
но – своеобразный...»

И – благодарен я
за это его участие.
Дружба, когда без вранья,
выше любви, к несчастью.

Отцу

Из шеи моей выдувал клеща,
никогда не давал леща,
зато на мой крючок пескаря
насаживал, когда я
был ещё слишком мал,
чтоб сам хоть что-то поймал.

С тех пор уже никогда не ловил
ни пескарей, ни клещей,
а на крючке многократно был
в силу порядка вещей.

И никого больше рядом нет,
кто мог бы леща — но не дал.
И стал мне темней этот белый свет,
темнее, чем ожидал.

* * *

Чайки белые, как самолёты,
над Самаринскими прудками...
Все без Бога-отца сироты,
а Его не видать веками.

Только чайки — такие ж точно
на погосте, где спит отец мой...
Что осталось ещё
от детства?
Самолёты и днём и ночью —
так что в небо не наглядеться.

Три стихотворения

Памяти Джоника

1

Смотрят на меня из травы или снега
глаза с печалью и укором.
Что-то знают про меня – про Папу Олега,
знают и о расставанье скором.

Упрекают, когда меня долго нету,
но прощают легко, по-ребячьи.
Если есть у Земли глаза, то вот эти,
золотые глаза собачьи.

2

Кладбищенский пёс. Глаза его видели
то, что нам и не снилось.
Печальные глаза его выдали
к людям жалость и милость.

Однажды пришёл ко мне на трёх лапах
и всё рассказать старался:
му-му да му-му.

И, как глупый лабух,
подпевал я ему, стебался.

На трёх лапах пришёл, потому что четвёртую
прокусили злые собаки.

Но больше прочего боялся чего-то он,
вздрагивал вдруг во сне — и отчётливо
не от видений драки.

Яйца были у него огромные
и полированно-тёмные.
И башка большая, тяжёлая, шалая —
я на коленях держал её.

Не понял я его переживания —
проумилялся, что ли.
И дал ему, милому, на прощание
только свободу воли.

3

Я больше любить не хочу никого —
ни женщин, ни собак.
Зачем оставили одного,
даже не подали знак?

Хоть добрый мой пёс меня утешал,
когда не стало тебя:
встречал меня, ластился, провожал,
сочувствуя и любя.

Но тоже ушёл. И вся жизнь моя
тепло вокруг потеряла.
Осталось — от батарей жилья
да ночью — от одеяла.

* * *

Как жалостны наши домики,
на самом краю стоящие —
неба ли, света ли, тени
или чего ещё.

А в них обитали троллики,
стерёгшие настоящее
в песочных часах и настенных,
и было всё хорошо.

Но весь песочек просыпался,
а стены стали стеклянными —
они и часы не удержат,
не только — дни и года.

И как бы троллик ни рыпался
с наивными заклинаньями,
под землю уйдёт он однажды,
как все мы и как всегда.

* * *

Под вечер вороны летают так,
что смерти не миновать,
и каркают, каркают. Это знак,
что нам не придти опять
сюда в эту морось, и снег, и грязь —
в подлунный, подсолнечный свет.
И что с того, что не удалась
жизнь на исходе лет?

* * *

Как безнадёжно прожить
жизнь свою я сумел!
Дальше умерится прыть,
будет всё меньше дел.

Будет всё меньше тел
рядом и в мыслях злых.
Я ж ничего не хотел —
кроме менад своих.

* * *

В Москве перестали толкаться.
Люди вежливей стали?
Или назад лет двадцать
ты ещё был не старый –
дорогу не уступали...

Локти в Москве обостряются,
рёбра дают трещины.
Всё здесь и сразу строится,
как паханами обещано.

* * *

Надо мною электрички,
подо мною речка.
И сижу я по привычке
в позе человечка.

Да Мыслителя почти что!
А о чём раздумья?
Где-то по соседству тишь да
благодать безумья.

Одиночество, конечно,
много чего гонит.
Но течёт по глине речка,
в ней никто не тонет.

* * *

В речках омуты люблю.
Они течение времени
сводят к полному нулю,
которым жизнь беременна.

Коль течение реки
умеет замедляться,
надо в омут, старики!
И пусть мгновенья длятся.

* * *

Похожие на лук со стрелой,
утки с реки сорвались —
к цели непонятно какой,
но куда-то ввысь.

Созерцанье мира ещё
оставляет маленький шанс,
что пребудет всё хорошо...
Щас!

* * *

Листья, как автомашины,
шуршат за мной тревожно.
Я же, как умалишённый,
оглядываюсь грозно.

В сущности, сухие листья
любых машин опасней...
Впрочем, жизнь покуда длится —
безвыходно прекрасной.

* * *

В Переделкине слишком высокие ели —
так и падают ветреным днём.
А какие-то держатся еле-еле
и о чём-то скрипят своём.

Если всё о своём, то другие, чужие,
могут не захотеть понять.
Хоть пока ещё важно, что были, жили,
и свои подрастут опять.

Будут снова протягивать ветки в болото,
чтобы вышел ещё из него
ожидаемый и неведомый кто-то,
будет всё он — и ничего.

* * *

Уходящая натура —
это я, отныне я.
Уходящая наутро
иль на склоне дня.

Уходящая куда-то —
знать бы только: мне куда?
Попрощаемся, ребята,
раз и навсегда.

Вам туда же? А куда же,
нам не сообщили даже.

* * *

Ну совсем, совсем неинтересно
то, что раньше вызывало дрожь —
по причине похоти телесной
и духовной жажды невтерпёж.

Ничего не дали содроганья —
лишь желанье близости иной
с миром всем и чтобы жизнь другая
овладела мной.

О борьбе с курением

Сигареты обещают мне мучительную смерть,
а мучительную жизнь не обещают
и предупреждают: трогать их не смей,
даже и смотреть-то запрещают.

А мучительная жизнь — к тому ж без сигарет —
ничего не запрещает, кроме
счастья и покоя — но их на свете нет,
а с волей мы покурим на балконе.

* * *

Бьётся птичка в клетке грудной –
хочет вылететь в небеса.
А щебечет вон тот, другой,
краснопёрый, – я только за
продолженье жизни земной
без меня уже, без меня,
потому что когда со мной –
безнадёжней день ото дня.

Последняя электричка

Как будто увозят насильно
глазастый последний вагон.
Назад он глядит умильно,
ведь был там и первым он.

Назад он глядит с тоскою,
прощаясь со всем совсем.
И рельсы железной рекою
несут его сразу ко всем.

* * *

Всё это несчастное такое,
что годами около меня, —
вещи и вещички под рукою.
Но ладонь не выдержит огня.

И тогда никто уже не станет
холить их, почти ещё моих,
с ними жить поблизости устанет
и — в помойку, на поклёв бомжих.

Жалко их, хиреющих в подвале,
где и я однажды побывал.
Были — сплыли, раза два всплывали...
А ведь с ними жизнь я проживал.

* * *

Будущей жизни кусты подрастают,
а твои годы тают:

так уж по-мартовски, так уж тревожно —
остановить невозможно.

Можно куда-то забиться, забыться,
как с ресницей ресница.

Только зачем перед сном забываться?
Чтобы на миг просыпаться?

Но только миги бывают сладки...
Стало быть, всё в порядке.

* * *

Я навек молодой поэт —
в шестьдесят даже с лишним лет.

Это лишнее мне не лишнее.
Вот вся жизнь моя, так возьми ж её!

Или лучше пока не бери —
номер мой невзначай набери.

И скажи мне хоть что-нибудь главное
или можешь — смешное, забавное.

Я с Тобою похохочу —
я ведь тоже добра хочу.

* * *

Средь сатанинских нынешних чудес
Христос воскрес, Христос опять воскрес!
Воистину?

Говно вопрос –
воскрес Христос.

И я Его посмею попросить:
– Как Лазаря сумел Ты воскресить,
так воскреси любимых и родных –
не так уж много было их.

А я без них не мог и не могу,
зову их, но не слышу ни гу-гу.
И каждый – Божий сын, и Божья дочь –
любая.

Обещал Ты им помочь!

...Святая – перед Воскресеньем – ночь.

* * *

Смотрю на портрет будущего –
на немощного старика.
Зачем по утрам ты будишь его,
старая карга?

Тебе от него толку-то –
только воздать за грешки.
И у меня их столько-то,
одна отмазка – стишки.

Прощание с Казантипом

1

Уже не увижу звёзды,
какие видел из этой дыры,
и рядом с тобой и морем
не почувствую себя счастливым.
Отваливается жизнь не поздно,
не рано, но, по-моему, до поры.
И это не кажется горем,
но чем-то несправедливым.

Отрезается жизнь кусками,
вот на этом — нелиповый мёд,
наверно, гречишный, поскольку
в нём чувствовалась горчинка.
Какими же дураками
мы были в наш лучший год,
когда брели по просёлку
и град нам — слону дробинка.

Места, где бывал счастливым...
Не надо туда приезжать:
их неизменность обидна,
а измененья досадны.
Советуют мне — позитивом
старайся себя окружать,
а что позитива не видно,
так пожил уже — ну и ладно.

2

Едва объявили «нашим»,
он сразу стал не моим.
Давай-ка мадеры вмажем
за этот уплывший Крым.

Мы здесь от глотка свободы
пьянели — не от вина.
И всё это длилось годы,
когда заспалась страна.

Потом и его упустила —
похмельным был этот сон.
Сама себе всё простила —
простит ли, приплывший, он?

Из романа в стихотворениях

«Бесконечный разговор»

* * *

А. С.-Ш.

«Жизнь чудовищна, — так Бродский говорил. —
И друг другу помогать давайте...»
С ним согласен я по мере сил —
слабнущих, смягчающих, как в вате.

«Что пришло процвеств и умереть, —
пел Есенин, — то благословенно».
Ну и ты, конечно, имярек,
умирающий ежемгновенно.

Пушкин причитал: «Предполагаем
жить, да вот, глядишь, как раз помрём».
Но — «вдвоём», тут главное — «вдвоём».
Перед краем и потом — за краем...

* * *

А. С.-Ш.

Я хочу тебя прежнюю, бывшую.
Я мечтаю вернуться к тебе
той, которой уж нет — вижу, слышу я —
ни в житье моём, ни в бытѣе.

Как жестоко всё это устроено:
мука-ревность взамен любви!
Груды спелые, ноги стройные
были-сплыли, зови не зови.

Только дело не столько в плоти, а
в разговорах с утра допоздна...
Как честна была глупая Лотова
обернувшаяся жена.

2017

* * *

А. С.-Ш.

Жили с Божьей помощью,
только Он не помогал
и притом, притом ещё
испытанья предлагал.

Типа если выдержите,
будете как в масле сыр
и до смерти выживете
из последних слабых сил.

Мы старались, верили,
что всё лучшее у нас
впереди, — не ведали,
как нам хорошо сейчас.

9 февраля 2018

После 11 февраля 2018 года

Памяти Ани Саед-Шах

1

Любимая моя, что натворила ты!
Что ты наделала, моя хорошая!
Тебе ли не хватило сердечной доброты,
чтоб пощадить меня, тобою брошенного?

Бросала, но прощала. Умела ты прощать.
И разучилась вдруг в одно мгновение,
которое отныне — как в паспорте печать,
и нет его страшнее и священнее.

2

Что я верен тебе, ты увидишь с небес,
хоть глаза твои сам закрыл я.
Умер вместе с тобой. Но пока ещё здесь,
где листочки твои со стихами и без
и в шкафу... среди платьев крылья.

3

Умница моя родная!
Я-то жил с тобой, не зная,
что осталось мало так,
всё чего-то ждал, дурак.

6

Ты должна быть здесь!.. И там... и там...
Улыбаться или хмурить бровки.
На раз-два готовить ужин нам
и мои разоблачать уловки
со спиртным, и пиррову свою
отмечать победу крепким кофе.
Если даже я не жил в раю,
где-то рядом был, а не к Голгофе
поспешал... Вот и не спас, не спас...
А ещё вчера ты здесь сидела
за столом, соединявшим нас, —
и звонки, звонки тебя от дела
отрывали, крали у меня
радости последние мгновенья.
Что ты не сказала мне, храня
главные слова от распыленья?
Не ответил что тебе? А вдруг
не хватило этого ответа
для спасенья...

— Отключить бы звук
телефона — до весны, до лета...
Навсегда! — кричу.

И навсегда
получилось — подмогла беда.

7

Не досказал тебе, не досказал,
как я люблю тебя, не доказал
Господу и судьбе,

что без тебя ни ночью, ни днём
жить не могу – надо было вдвоём
нас забирать к себе.

Что натворил Он – единый Бог!
Сам одинёшенек-одинок
и уготовил мне
сходную участь. Но я-то знал
счастье вдвоём и Его не звал
сватом к моей жене.

Будь же Он проклят – выскочка, тать.
Всё отобрал, что сподобился дать, –
хуже, чем подразнил.
Пусть мне припомнит и эти слова.
Гнев Его Божий мне трын-трава
подле родных могил.

8

Всё же сделала меня несчастным,
а счастливым делала всё время,
нам отпущенное безучастным
Судией над каждым и над всеми.

Мало дал Он времени, так мало! –
тридцать лет с копейками в кармане...
Где жена моя, вторая мама,
друг мой самый верный, Аня, Аня!..

Ничего страшнее не случится.
Собственный уход благословляю.
Жизнь прошла, и только память длится,
настоящего не оставляя.

9

Говорят, что надо жить.
А кому? Вот мне не очень.
Смысл неясен и неточен...
Начатое завершить?

А зачем? Тебе одной
это было вправду важно.
И боролась ты отважно
за меня со мной.

10

Остались мне – прикрывшая беду,
над домовиной вспухшая земля
и страшный День сурка – один в году –
проклятый день – одиннадцатое февраля.

11

Всё, что делал я, – делал ради тебя,
всё оценивал взглядом твоим,
даже ссорясь с тобой, обидки копя,
даже думая, что нелюбим.

Ошибался, дурак, – ошибиться рад,
и хотя эта тайна темна,
никуда он не делся, твой чуткий взгляд,
твой всевидящий взгляд на меня.

12

Волосинки на рубашке – на спине
в ткань вцепляются, забыть мешают мне,
что один остался я, что нет тебя –
ни заботы твоей лёгкой, ни тепла.

Сплю, одежды не снимая, в старый плед
заворачиваюсь, только им согрет,
и ворочаюсь, ворочаюсь всю ночь...
Ты б одна могла в беде моей помочь.

13

С одной тобой не одиноко было,
с тобой одной.
И только ты одна меня любила,
гордилась мной.

И ничего сейчас не изменилось:
тебя верней
нет никого.

И это Божья милость! –
пребуду с ней.

14

Ревновал тебя только к прошлому,
безысходно тебя ревновал.
Даже к гостю Москвы непрошенному
и к его королевству Непал.

Даже к юности твоей яростной,
не совпавшей с моей на беду.
Даже к нашей поездке радостной:
через Пярну — в Алма-Ату.

Ревность к прошлому была правильной,
ведь не будет теперь ничего,
кроме прошлого — сном обрамленной,
завершённой картины его.

15

Как я счастлив был с тобой! —
ни за что, не по заслугам.
Как не скучно нам друг с другом
было в праздности любой...

Вот ты в телефоне вся —
слушаешь подруг болтливых,
от моих нетерпеливых
жестов отбиваешься...

Вот по рынку мы идём —
тебя любят продавщицы,
мне с покупками тащиться
в радость — снова мы вдвоём...

Вот с тобой мы едем в Крым...
Вот валяемся у моря...
И непредставимо горе,
от которого сгорим.

16

Было три репетиции расставанья.
Хорошо, что недолго длились они.
Было мне тяжело, но до дна страданья
я ещё не дошёл в те несчастные дни.

Хоть во сне бы вернуть эти дни! Оказаться
виноватым, обидчиком клятым твоим.
Но твоим, лишь твоим!

А с таким расстаться
можно способом только одним.

17

Ору и вглядываюсь в небо,
чтоб различить какой-то знак.
Но небо слепо-глухо-немо,
а взгляд мой близорук и наг.

И не могу я этим взглядом
тебя приблизить к нам, к земле.
Ты никогда не будешь рядом —
теперь ты навсегда во мне.

18

Я говорить продолжаю с тобой,
слышу ответы твои.
Даже на миг притупляется боль —
чаще со мной говори!

Недосказали друг другу мы
так ещё много всего –
не замолкай и с приходом тьмы,
не оставляй одного!

Я не могу без тебя, не хочу
длитель эти ночи и дни.
Я бы на лапу дал палачу –
только, родной, не тяни!

Но бесконечный наш разговор
ты прерывать не велишь –
так же, как раньше. И тем до сих пор
от лиха меня хранишь.

19

Мы на звёзды вдвоём смотрели,
и один не хочу смотреть –
без вопросов твоих о цели
бесконечности, если смерть...

Без весёлых твоих гаданий,
где какая горит звезда...
В этой путанице названий
заблудились мы навсегда.

И теперь я не знаю имени
той звезды, где отныне ты.
Как найду тебя?! Позови меня! –
с безымянной твоей звезды.

20

Предупреждала меня, ну а я не услышал,
предупреждала, что жизни осталось на донце.
Дождик тревожно шуршал по беспомощным крышам
или тоской наливалось закатное солнце –
всё говорило о том, что в предчувствии страшном
не ошибаешься ты.

Но у самого края
как ты беспечна была!

По делишкам пустяшным
все отвлекали тебя – Алла, Света и Рая.
Ты говорила со всеми, а в промежутках
грустно шутила и мне улыбалась устало.
Так и прошли те мгновенья – в звонках и шутках –
перед тем как тебя не стало.

21

Пить прекращаю в апреле...
Снег, тебя помнящий, тает...
Стала гуашь акварелью...
Как же тебя не хватает!

Трезвый, не сплю до рассвета...
Солнце с утра припекает...
Это, наверное, лето...
Как же тебя не хватает!

Вот и прошло, пролетело...
В воздухе горечь витает...
Нет мне до этого дела...
Как же тебя не хватает!

Зимы теперь ненавижу!
Пусть без меня заметает
дом наш по самую крышу...
Как же тебя не хватает!

Выпью... Но не отпускает.
Выпью ещё – отпустите!
Как же тебя не хватает –
веки навек опустить мне.

22

Хочу я, как ты, умереть –
не мучая и не мучась,
и больше уже не стареть –
какая завидная участь.

И чтобы проститься со мной
пришли все любимые люди...
Хватило б тебя одной,
да вот тебя не будет.

Март – сентябрь 2018

P. S.

Я доживаю нашу жизнь:
наш дом, собаки, одеяла...
«Так стисни зубы и держись», –
как ты мне и сказала.

Так стиснул зубы и держусь –
за воздух и за стены,
за всё, что знаю наизусть,
теряю постепенно.

*

Чего никогда я не забывал,
так пропускать вперёд
тебя, хоть, бывало, и забивал
на весь этикет, обормот.

Но перед дверью всегда, всегда
уступал дорогу тебе –
какие б ни открывались врата
в нашей с тобой судьбе.

И вот, как привык уже, отступил
перед проклятой той
дверью: вперёд тебя пропустил –
захлопнулась передо мной.

*

Самое страшное в жизни — со мной
уже случилось.
И содержание на зоне земной
ужесточилось.

Каждый на зоне тянет свой срок,
Кума боится.
Были побеги, но я-то не смог —
может, больничка?

Или надеяться на УДО
и поведенье
выстроить этак, чтоб от и до
путь к исправленью.

Типа молиться, поститься, не красть
время в пространстве.
Кум, Твоя воля и Твоя власть —
вот мои страсти.

Содержание

Решил я побыть на Земле

«Я хотел бы родиться в Смоленске и Ленинграде...»	5
«Дикорастущая луна...»	6
«В раме оконной Полярная звезда...»	7
Пришелец	8
«Становятся всё важней простые отношенья...»	9
«Чем времени жизни становится меньше...»	10
«И человек у человека...»	11
«Ну видно же, что туча или дым...»	12
«Только когда начинается война...»	13
Декабрьский монолог пешехода	14
Московские бичи	15
Православные прихожанки	16
«Мудрости нет в стариках и старухах...»	17
Новая уличная мода	18
«Можно ли числить родными...»	19
«Что бы мне посоветовать людям?...»	20
«Хорошо быть русским человеком...»	21
«Как же досадно – подолгу не жил в Ленинграде...»	22
«Какие же мы смешные!..»	23
«Недоваренные пельмени...»	24
«Чем говорят они чаще...»	25
«Мои пороки обслуживала...»	26
«Циклотимик ты. Шизо-? – тоже...»	27
Исповедь очкарика	28
Два пририфмованных хокку	29
Морская фигура	30
Адлер-2016	32
«Облака оставляют на море пятна...»	34
«Я нужен “Хоум-Кредиту”...»	35

«Вот сидит на скамье по соседству...»	36
«И живёт человек, униженный...»	37
Классические вариации	38
«Атака таких стихов...»	39
«Завидую жизни чужой...»	40
«Только едва прикоснулся...»	41
«Всё вокруг зазеленело...»	42
«По грани по самой...»	43
«Хоть в шалмане хавка с кровью...»	44

Не быть не миновать

«Жалко, что не буду на Земле...»	47
«Я не умею не любить людей...»	48
«...и провожаем близких...»	49
«Временность жизни должна...»	50
«Вот он заходит ко мне...»	51
Отцу	52
«Чайки белые, как самолёты...»	53
Три стихотворения	54
«Как жалостны наши домики...»	56
«Под вечер вороны летают так...»	57
«Как безнадежно прожить...»	58
«В Москве перестали толкаться...»	59
«Надо мною электрички...»	60
«В речках омуты люблю...»	61
«Похожие на лук со стрелой...»	62
«Листья, как автомашины...»	63
«В Переделкине слишком высокие ели...»	64
«Уходящая натура...»	65
«Ну совсем, совсем неинтересно...»	66
О борьбе с курением	67
«Бьётся птичка в клетке грудной...»	68
Последняя электричка	69
«Всё это несчастное такое...»	70

«Будущей жизни кусты подрастают...»	71
Это Женя	72
«Я навек молодой поэт...»	73
«Средь сатанинских нынешних чудес...»	74
«Смотрю на портрет будущего...»	75
«Я бы простился с Аральским морем...»	76
Прощание с Казантипом	77

Из романа в стихотворениях «Бесконечный разговор»

«Жизнь чудовищна, — так Бродский говорил...»	81
«Я хочу тебя прежнюю, бывшую...»	82
«Жили с Божьей помощью...»	83
После 11 февраля 2018 года	84
P. S.	95

Олег Хлебников. Недосказанное. Книга новых стихов

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 30.08.2019
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 6,25.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6042671-7-2

9 785604 267172

Олег Хлебников родился в 1956 году в Ижевске. Окончил Ижевский механический институт (1978), аспирантуру и Высшие литературные курсы (1985), защитил кандидатскую диссертацию по прикладной математике (1983). Первая публикация – в газете «Комсомольская правда» (1973). Публиковался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Знамя», «Континент», «Звезда», «Интерпоэзия», «Арион» и других. Автор двенадцати книг стихов и книги мемуаров и эссе «Заметки на биополях», лауреат нескольких литературных премий. Секретарь Союза писателей Москвы. Работает обозревателем в «Новой газете». Живёт в Переделкине.

ISBN 978-5-6042671-7-2

9 785604 267172